

мощью электронных денег, посредством которых происходит оплата за наркотики, что, безусловно, создало значительные препятствия как для организаторов интернет-магазинов и сайтов, так и для лиц, приобретающих наркотики.

Анализ некоторых криминологических показателей преступности в сфере незаконного оборота наркотиков позволяет констатировать действенность и эффективность предпринятых шагов.

Так, начиная с 2016 г. наметилась устойчивая тенденция к снижению преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. В 2018 г. по сравнению с 2017 г. количество зарегистрированных преступлений по линии наркоконтроля уменьшилось на 9,1 %, количество зарегистрированных преступлений, совершенных с участием несовершеннолетних, – на 39,8 %, количество преступлений, совершенных ранее судимыми лицами, – на 15,7 %.

В 2018 г. сотрудниками органов внутренних дел выявлено и пресечено 29 каналов поставок наркотиков в республику из-за границы, а также их транзитных перевозок. Общий объем изъятых наркотиков составил более 740 кг наркотических средств и более 36 кг психотропных веществ. Основным объемом изымаемых из незаконного оборота наркотиков – транзитный гашиш и марихуана, как местного происхождения, так и привозные.

Среди психотропных веществ наиболее распространено альфа-PVP. Несмотря на незначительную долю изымаемых психотропных веществ, они по-прежнему остаются наиболее популярными, составляют около 50 % всех изъятий и являются первопричиной передозировок. Мониторинг статистических данных указывает на динамику сокращения количества отравлений психоактивными веществами на 75,8 % по отношению к 2014 г., в том числе допущенных несовершеннолетними на 95,1 %, уменьшение за аналогичный период на 43,4 % количества передозировок наркотиков с летальным исходом (последний случай гибели несовершеннолетнего от наркотиков имел место в 2014 г.). Следует отметить, что уровень передозировок наркотиков с летальным исходом в Республике Беларусь в 2018 г. составил 4,6 случая в расчете на 1 млн человек в возрасте 15–64 лет. В мировых масштабах, по данным Организации Объединенных Наций, это в 14 раз меньше, чем в Литве, в 17 – чем в России, в 21 – чем в Швеции, в 28 – чем в Эстонии, и в 72 – чем в Соединенных Штатах Америки. Приведенные цифры свидетельствуют о том, что наркоугроза жизни и здоровью граждан в Республике Беларусь в разы ниже, нежели в указанных странах.

В 2018 г. Министерством информации Республики Беларусь направлены уведомления о необходимости ограничения доступа к 152 сайтам, содержащим сообщения или материалы, ориентированные на незаконный оборот наркотиков (в 2017 г. – 13); заблокированы транзакции по 132 кошелькам электронных денег Webmoney (Технобанк) (в 2017 г. – 197), по 33 кошелькам электронных денег «Яндекс. Деньги» (БПС-Сбербанк) (в 2017 г. – 1) и по 26 кошелькам электронных денег QIWI. Активное использование сети Интернет стало инструментом для создания виртуальной площадки не только по распространению наркотиков и вовлечению в наркобизнес значительного числа молодых людей, но и по формированию у них пронаркотического сознания.

Таким образом, государственная политика Республики Беларусь в сфере противодействия наркоугрозам за последние несколько лет претерпела значительные изменения, а принятые комплексные меры позволили оздоровить ситуацию в стране. Нами приведены лишь некоторые данные, подтверждающие указанный посыл. Вместе с тем, учитывая степень динамичности преступности в сфере незаконного оборота наркотиков, складывающихся тенденций, усилия как правоохранительных органов, так и всех заинтересованных ведомств и объединений должны быть по-прежнему сконцентрированы на дальнейшем совершенствовании нормативного регулирования общественных отношений в рассматриваемой сфере деятельности, на выработке комплексных мер по предупреждению совершения наркопреступлений с использованием сети Интернет, а также мер по формированию у молодежи информационной антинаркотической стратегии.

УДК 343.35

В.А. Каравеева

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ

Исследование проблем законодательного закрепления субъекта преступлений против интересов службы является в настоящее время актуальным и необходимым направлением. Субъект преступления наряду с иными элементами составляет содержание состава преступления, который является связующим звеном между уголовно-правовой нормой и фактически-обстоятельствами совершенного общественно опасного деяния. В связи с этим особую важность приобретает качество правовых запретов, устанавливаемых законодателем.

В отечественной юридической литературе отдельные вопросы законодательного закрепления субъекта преступлений против интересов службы рассматривались в работах Н.А. Бабия, Г.А. Василевича, А.И. Добродеева, А.В. Конюка, В.В. Лосева, А.И. Лукашова, В.В. Марчука, О.З. Рыбаключевой, А.Л. Савенка, В.В. Хилюты, В.М. Хомича и др. Однако, несмотря на значительное количество публикаций в периодических изданиях, указанная проблема остается малоизученной.

В законодательстве Республики Беларусь отсутствуют конкретные требования нормотворческой техники, охватывающие вопросы обозначения субъекта преступления в диспозиции статьи Особенной части уголовного закона. Субъектом большинства преступлений, ответственность за которые закреплена в санкциях статей гл. 35 Уголовного кодекса Республики Беларусь, является должностное лицо. Кроме должностного лица субъектом отдельных преступлений против интересов службы может выступать иное уполномоченное лицо (ст. 427 УК); должностное лицо, находящееся на государственной службе; должностное лицо организации, осуществляющей предпринимательскую деятельность (ст. 429 УК); работник государственного органа либо иной государственной организации, не являющийся должностным лицом (ст. 433 УК). Считаю целесообразным рассмотреть проблемные вопросы законодательного закрепления признаков как общего, так и специального субъекта преступлений против интересов службы.

В Особенной части УК в большинстве случаев прямое указание на субъект преступления отсутствует: диспозиции формулируются обезличенно при помощи отглагольных существительных, таких как «нарушение», «изготовление», «дача» и т. д. Подобный подход законодателя обусловлен наличием в Общей части УК положений, характеризующих признаки общего субъекта. Среди них возраст, с которого наступает уголовная ответственность; понятия невменяемости, уменьшенной вменяемости и т. д. Возможность обращения к положениям Общей части уголовного закона позволяет не указывать в каждой статье Особенной части УК признаки общего субъекта преступления. Специальный субъект преступления, наоборот, должен быть четко определен в диспозиции статьи Особенной части УК.

В статьях Особенной части законодатель при необходимости указания на субъект преступления употребляет существительное «лицо», однако в некоторых случаях в статьях и примечаниях встречаются иные обозначения. Так, в диспозиции ст. 432 УК используются понятия «взятодатель» и «взякополучатель». Указанные лица не являются собственно субъектами преступления, предусмотренного ст. 432 УК, однако указанная формулировка позволяет полагать, что таким образом обозначаются субъекты преступлений, предусмотренных ст. 431 и 430 УК соответственно. Указанные субъекты преступлений против интересов службы впервые появились в УК 1960 г. и прочно укоренились в законодательстве и отечественной уголовно-правовой литературе. Полагаем, что подобные понятия сохранились в уголовном законе, скорее, в силу традиции и не могут способствовать повышению качества уголовного закона. С целью совершенствования нормотворческой техники уголовного закона понятие «взятодатель» может быть заменено на «лицо, совершившее деяния, предусмотренные ст. 431 УК», а «взякополучатель» – на «лицо, совершившее деяния, предусмотренные ст. 430 УК».

Субъект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 432 УК, в диспозиции статьи не определен. В примечании к данной статье используется сочетание «виновный в посредничестве во взяточничестве». Полагаем, что при закреплении признаков субъекта использовать понятия «виновный» и «виновное лицо» не следует, так как виновность лица устанавливается не на стадии квалификации, а непосредственно судом в рамках судебного следствия, о чем указывается в приговоре.

Преступления против интересов службы могут совершаться должностными лицами в процессе осуществления соответствующих полномочий в органах или организациях независимо от форм собственности. Вопрос о дифференциации уголовной ответственности должностных лиц ранее обсуждался учеными в области уголовного права, однако законодательного закрепления не получил. Вместе с тем отметим, что степень общественной опасности преступления против интересов службы, совершенного должностным лицом, находящимся на государственной службе, и должностным лицом организации, осуществляющей предпринимательскую деятельность, на наш взгляд, существенно отличается. В связи с этим считаем целесообразным рассмотреть вопрос о дифференциации ответственности субъектов преступления, предусмотренного ст. 429 УК, а также пересмотреть подходы к конструированию составов иных преступлений против интересов службы, субъектами которых являются должностные лица.

Определенную сложность представляет законодательное закрепление признаков некоторых специальных субъектов преступлений против интересов службы, не являющихся должностными лицами. Так, при обозначении субъектов преступлений, предусмотренных ст. 427 и 433 УК, законодателем используется казуистический прием, выраженный при помощи сочетаний «либо иное», «или иное». Субъектом преступления, предусмотренного ст. 433 УК, может быть либо работник государственного органа либо работник иной государственной организации, не являющийся должностным лицом. Учитывая тот факт, что государственный орган является государственной организацией, целесообразно использовать более общее понятие «государственная организация». Наличие в диспозиции двух понятий, одно из которых по своему содержанию поглощает другое, лишено функционально-смысловой нагрузки.

Признаки субъекта преступления, предусмотренного ст. 427 УК, на наш взгляд, указаны в диспозиции статьи не в полном объеме. Формулировка «должностное или иное уполномоченное лицо» является не совсем удачной, поскольку должностное лицо также является уполномоченным. Иное уполномоченное лицо, являющееся субъектом преступления, предусмотренного ст. 427 УК, не является должностным. Уполномоченные лица в рамках занимаемой ими должности не выполняют обязанностей организационно-распорядительного и административно-хозяйственного характера, однако в силу возложенных обязанностей осуществляют подготовку необходимых официальных документов для представления на подпись определенному должностному лицу (специалисты, консультанты и т. д.). С учетом этого субъекта в диспозиции ст. 427 УК целесообразно обозначить как «должностное лицо или уполномоченное лицо, не являющееся должностным».

Таким образом, полагаем, что при обозначении общего субъекта преступлений против интересов службы целесообразно использовать понятие «лицо» и не прибегать к иным формулировкам, затрудняющим процесс правоприменения. При закреплении признаков специального субъекта преступлений против интересов службы следует избегать случаев перечисления нескольких понятий, одно из которых по своему содержанию поглощает другое.

УДК 343.01

К.Н. Карпов

ВОЗМЕЩЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, КАК ИНСТРУМЕНТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Возмещение вреда, причиненного противоправным поведением лица, во все времена являлось одним из обязательных элементов восстановления социальной справедливости, а также конституционной гарантией государства на защищенность граждан. Самоустранение государства от решения вопроса о возмещении потерпевшему материального вреда выступает